

Виктор Вургафтик

ВРЕМЯ

Февраль – июль
1978

1. Бытие

Если бы Христос не умер на земле и восшёл на Небо, то Царство Его как пришло бы, так и ушло. Если бы Он умер, но не воскрес и не восшёл на Небо, то не был бы Царём Небесным. Но Он умер на земле, воскрес, восшёл на Небо и так Небо прищепил земле. К стволу земли Он привил глазок Неба, и сейчас не земля, т.е. не мир, но земля и Небо – мир и Царство Небесное. Когда же Он придёт со славою, слава Божия отсечёт, сожжёт ствол выше прививки, и будет новое дерево – новая, Небесная земля.

Сейчас, между первым и вторым приходом Христа, существует только время, оно направлено от первого прихода ко второму. Поэтому сейчас можно говорить лишь в категориях времени; можно сказать лишь так: до совершившегося прихода Христа была земля, после ожидаемого Его прихода будет только Небо, – хотя до первого не было действительного времени и, значит, самого до, а после второго не будет никакого времени и, значит, самого после. Время, начало и конец которому кладёт Христос, в представлении неизбежно продлевается за эти пределы.

На том, что до прихода Христа не было времени, следует остановиться. Тогда была земля, все изменения входили в постоянно повторяющиеся круговороты: одно сменялось другим, второе – снова первым и т.д., т.е. время в до-Христовом неиудейском смысле слова вело как от первого ко второму, так и наоборот. Но именно в этом состоит то свойство пространства, которое отличает его от времени: в пространстве возвращение к первому возможно, а во времени – нет. Конечно, в том времени, которое называлось так до нашей эры, тоже нельзя было вернуться точно к прежнему; вдобавок, к нему нельзя было вернуться прежним путём. Однако эти отличия того времени от пространства несущественны, так как и в пространстве обратный путь практически не может точно совпасть с прямым и приводит уже не совсем к прежнему. Таким образом, во времени, известном до Христа, правильнее видеть не время, а другое пространство.

Действительное время ведёт от земли к Небу, но никоим образом не обратно, так что земля – абсолютно прошедшее, а Небо – абсолютно будущее. Сейчас – между землёй и Небом. Но также земля и Небо – сейчас: на дереве земли растёт побег Неба. Следовательно, как сейчас принадлежит времени, так и всё время, от земли до Неба, присутствует сейчас.

Христос прищепил миру Царство Небесное, оно – в таинстве Церкви, личном таинстве, молитве «в Духе и истине». И хотя мир и Царство – оба сейчас,

между ними не пространство, а время, так как есть путь из мира в Царство, но нет пути из Царства в мир. Время, в котором возможны круговороты, есть в действительности пространство, пространство же, разделяющее продажу свечей у входа и Причащение у Царских врат, называется так по недоразумению: в действительности это время. Сейчас вообще не приходится говорить о пространстве, ибо неоднородности на земле, без которых оно невозможно, не имеют значения рядом с основной неоднородностью – земли и привитого ей Неба, неоднородность же эта – не пространственная, а временная.

Путь из мира в Царство – это два акта. Первый есть двойное таинство – крещение «Духом Святым и огнём»: очищение огнём и помазание Святым Духом, оба действия суть одно. Но крещение не исторгает из мира, оно только растягивает и прикрепляет также к Царству, так что крещённый растянут между Царством и миром – между Небом и землёй. Оно – не переход на Небо, а вытягивание к нему за один конец, тогда как другим крещаемый не отпускает землю. Обратное его движение уже невозможно, возможен лишь второй акт пути – отсечение от земли, позволяющее сократиться к Небу: смерть.

Крещённый распят между землёй и Небом, и одни его действия принадлежат Небу, другие – земле. На Небе – молитва «в Духе и истине», причащение «неосужденное», постижение «умом Христовым». На земле – заботы «не о том, что Божие, но что человеческое». Тому, кто не знает Неба, т.е. слеп, грех не вменяется: «если бы вы были слепы, то не имели бы на себе греха». Тот, кто на Небе, безгрешен – праведник. Грех вменяется тому, кто уже видит и всё же держится за землю: «но как вы говорите, что видите, то грех остаётся на вас». Итак, крещённый, т.е. тот, кто на земле и Небе, – это грешник, которому вменяется грех.

Крещение тоже есть прививка: отделение коры в некотором месте и посадка на нём почки иного дерева. Дерево, подвергнутое прививке, – «ветхий Адам», привитый глазок – Дух Святой, растение от корня до побега из этой почки, – «новый человек, созданный по Богу». «Ветхий Адам» принадлежит земле,» новый человек – Небу, так что крещённый – на Небе и земле. Его смерть есть отсечение старого дерева выше прививки.

Итак, крещённый распростёрт между совершающимися сейчас мирскими делами, с одной стороны, и таинствами, молитвами, с другой. Он вытянут от первых ко вторым, в направлении времени, и полное время измеряет его растяжение. Но земля одна: та, что сейчас, не отличается от той, которой Христос привил Небо. Также и Небо одно: то, которое сейчас, не отличается от Неба, которое будет после отъятия всего предназначенного к сожжению. Следовательно, один и промежуток между землёй и Небом – время: то, которое отделяет мирские дела от таинств и молитв, не отличается от того, которое отделяет первый приход Христа от второго. Поэтому можно сказать, что крещённый простирается от начала до конца нашей эры – вытянут крещением от начала к концу, на всю протяжённость времени, смерть же отпускает к концу его всего, и тогда он встречает Христа, грядущего со славою.

Так как крещённый тянется вдоль всего действительного времени, ему должны быть доступны все события, совершающиеся в это время. Как же он может их видеть? Но следует определить, что́ есть событие.

Во-первых, событие есть то, что происходит с определёнными людьми, в частности, с определённым человеком. Во-вторых, чтобы быть событием, оно должно происходить с ними внезапно. Следовательно, в-третьих, реальное событие – это внезапное реальное изменение конкретных людей. Но, в-четвёртых, такое изменение есть мученичество, благодатное или безблагодатное. Таким образом, сущность каждого реального события – вошедшего в историю или нет – благодатное или безблагодатное мученичество.

Крещение открыло крещённому, в чём состоит то и другое, так что он, узнавая о каком-то реальном событии, способен его ощущать. Вот как существуют для него все реальные события нашей эры – события, на которые распространило его растяжение во времени. Боль и благодатность растяжения сделали его доступным для каждого мученичества других людей.

Но события действительного времени нельзя представлять себе как деления на отрезке – иначе одни из них были бы прошлыми, а другие будущими, и вместе с тем растяжение позволяло бы видеть не только первые, но и вторые; это значило бы также, что будущее фатально предопределено. Так что события нашей эры за вычетом абсолютно первого – её начала и абсолютно последнего – её конца не следуют друг за другом в каком-либо порядке и, в частности, не распадаются на прошлые и будущие. На времени нет и никаких иных делений: как метры между продажей свечей и Причащением, так и суточные циклы между первым приходом Христа и вторым не имеют ко времени никакого отношения, то и другие – единицы пространства. Сутками, годами или какими-либо другими циклами время не измеряется, ибо ни с одним из них не сравнимо, значит, для нас вообще не имеет единицы измерения, не является величиной. На вопрос о сроке кончины мира Христос отвечал: «О дне же том или часе никто не знает, ни Ангелы небесные, ни Сын, но только Отец... Не ваше дело знать времена или сроки, которые Отец положил в Своей власти». Т.е. никто, кроме Отца, не может знать их в принципе, следовательно, для нас их и нет.

Время неделимо и единственно – нет ничего другого в том же роде. Оно представляет собою направленный квант, который, однако, не есть для нас какое-то количество; единицей измерения его может служить лишь он сам, т.е., если всё же говорить о протяжённости времени, необходимо считать её равной единице. Множество всех событий нашей эры за исключением абсолютно прошедшего и абсолютно будущего не может быть упорядочено, так как каждое из них можно отнести лишь к кванту времени в целом.

Квант времени ведёт от земли к Небу. Он расположен между землёй и Небом и не отличается от сейчас, потому что не делится на части. Вот каким образом земля – в начале, а Небо – в конце времени, и вместе с тем оба сейчас. В начале кванта времени, на земле, было только пространство. В самый квант, соединяющий землю с Небом, т.е. сейчас, существует только он, время. В конце кванта, на Небе, не будет ни пространства, ни времени

2. Видение

Действуя на земле, т.е. заботясь «не о том, что Божие, но что человеческое», я сплю и в моём греховном сне вижу пространство – и то, в котором круговое движение требует активности, и то, в котором оно совершается без неё. Мне видятся в пространстве различные люди, всецело принадлежащие земле, – не растянутые, не знающие Неба и действительного времени, не сомневающиеся в реальности пространства. Я вижу во сне языческий мир, в который ещё не пришёл Христос или уже пришёл и подвергся осмеянию, – именно мир, только землю.

В нём немислимы никакие бесповоротные изменения, можно говорить лишь о постоянных круговоротах. Даже эволюцию жизни и культуры невозможно представить себе иначе, кроме как постоянно возвращающейся к своему началу – то ли вследствие периодического уничтожения жизни на планете Земля, то ли вследствие уничтожения самих условий жизни на одной планете и возникновения их на другой. Больше того, даже эволюция Вселенной неизбежно представляется в виде циклов – например, в виде периодических расширений и сжатий. В этом мире вера в существование души приводит к теории её переселения из тела в тело, вера в существование вечности – к пониманию её как самождества, на фоне которого происходят круговороты и которое само есть частный случай кругового движения – покой. Приход Христа и утверждение христианства выглядит в этих понятиях как один из бесконечного числа эпизодов возникновения новой религии, закономерно сменившейся охлаждением к ней перед началом следующей.

Языческий мир, в котором я вижу себя во сне, утверждает пространство и поэтому может говорить так: священное место – только в храме, святой – лишь тот, кто канонизирован, праздник – лишь дни, определённые Церковью, духовное бдение – лишь то, которое укладывается в её опыт. Поэтому же, в пределах этого мира, вера в существование Неба эквивалентна пространственному отделению Неба от земли; а такое отделение, для объяснения сверхъестественного действия Небесного на земное, заставляет предполагать «нетварные энергии», отличные от Бога.

Такой мир снится мне в моем грехе. К трём измерениям того, что в этом мире называют пространством, добавляется ещё измерение того, что называется в нём временем, но есть в действительности лишь другое пространство; о числе его измерений – в Приложении. Итак, во сне я – в богатом, разнообразном мире. В нём есть простор и красота, к которым я привязан. Это один из соблазнов, отвращающих меня от пробуждения. Но если я не проснусь, я не увижу себя в кванте времени, соединяющем землю и Небо. Этот квант не более чем одномерен, однако и не менее: в нём я могу иметь различные реальные события. Значит, для меня хорошо отказаться от нескольких приснившихся измерений, чтобы обрести одно действительное. Очевидно и большее – что без отнятия богатого многомерного мира как несомненной реальности, без стеснения одним измерением немислим истинный переход из язычества в христианство: «Подвизайтесь войти сквозь тесные врата... потому что широки врата и

пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их».

Чтобы проснуться, мне достаточно всем существом моим понять, что приведенные и прочие языческие представления навязаны мне сном. Но для пробуждения это и необходимо, так как имеется в виду оно само – восхищение сознания с земли, но не на Небо: я сознаю тогда квант времени, значит, и землю и начало его, но если бы я не понимал, что она вместе со своими представлениями была лишь моим сном, то продолжал бы грезить.

Однако, если я и понимаю, что вижу сон, то не всем моим существом – только разумом, – и тоже не могу проснуться. Почему же я не понимаю этого всем моим существом? Потому что не хочу понимать, а не хочу потому, что сон, не являющийся кошмаром, покойнее, чем действительность – квант времени: в ней нет никакого покоя, это боль и отчаяние, ибо, с моей точки зрения, земля ушла из-под моих ног, а Небо меня не подхватило.

Итак, разбудить меня может только кошмар – я по-прежнему говорю лишь о пробуждении, а не о восхищении видения на Небо, что совершается в молитве, Причащении, взятии на себя ига Христова, с которым приходит покой. Видение одной земли, т.е. абсолютно прошедшего, есть сон, видение же одного Неба, т.е. абсолютно будущего, – прозрение, источник пророчества. Если смерть, отсечение от земли, которое отпускает на Небо, приходит в прозрении, сознание не испытывает никакого катаклизма. Если смерть наступает в сознании действительности – ненахождении опоры ни на земле, ни на Небе – она, давая несомненную опору на Небе, является утешением: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное. Блаженны плачущие, ибо они утешатся». Если же смерть приходит во сне, сознание перед упокоением на Небе испытывает по крайней мере одно потрясение – кошмар приближающейся смерти; но кошмар может пробудить к действительности, тогда оно перейдет в другое: боль отторжения опоры и отчаяние; «впрочем сам спасётся, но так, как бы из огня».

Проснувшись, т.е. осознав время, я могу увидеть определённых людей, претерпевающих безблагодатное мученичество. Это уже не сновидение, а реальность, и я вижу, что эти реальные люди – погибшие и я погиб вместе

с ними: их погибель я вижу в себе. Моё протяжение во времени является мне как безнадежный переход через пустыню, в которой я встречаю кости погибших, ставящие меня перед лицом моей собственной участи; моё прошлое – Египет, моим исходом из него Бог дал мне залог спасения, но я его загубил и потому уже не войду в будущее – Землю обетованную.

Если я завоплю или буду молиться, и Бог восхитит моё видение из пустыни в Землю, где течёт молоко и мёд, на Небо, то этим Он на моих глазах совершит невозможное – оправдает меня. То, что я вижу на Небе, относится к абсолютно будущему, рассказ об этом есть пророчество. И вместе с тем Небо со всем, что на нём, существует сейчас, в частности, моя соборность с ближним – как то, что мы сейчас связываем: «что вы свяжете на земле, то будет связано на Небе; и что разрешите на земле, то будет разрешено на Небе»; слово «земля» не означает здесь языческого мира, мирских дел, забот «не о том, что Божие, но что человеческое», – я думаю, оно означает, что мы не видим Неба, на котором в

действительности связываем, хотя можем иметь его в вере. Если в видении Неба я увижу себя и моего ближнего, собравших во имя Христово, то, во-первых, отнесу это к будущей жизни. Но, во-вторых, я пойму, что эта соборность уже есть, ибо мы связываем с ним, исповедуя Христа и несмотря на острый недостаток по-человечески общего – значит, именно собораны, а не сами собрались. Мы связываем с ним на земле, и не может быть так, чтобы мы это напоследок разрешили, – ведь оно связано на Небе. Некоторые виды связывания: совместное Причащение, прощение, совместная молитва.

По-человечески общее с людьми бывает у меня двоякое – психофизическое и идеальное. Примеры первого – переписка, общий быт, второго – «глаголы вечной жизни», общая – но не только по обозначению – цель творчества. Второе неосуществимо без первого, первое же может быть и без второго. Но то и другое я вижу в моём греховном сне – как и самих этих людей и всю землю. Реально лишь общее по Богу, т.е. духовное. Совместное приобщение к духовному и есть соборность. Она создаёт общее идеальное и психофизическое – как на пустом месте, так и преобразуя то по-человечески общее, которое у нас есть. Она даже тождественна этому нашему приобщению к новому идеальному, также – к новому психофизическому, это особенно явно в совместном причащении. Поэтому каждое из них – наше общее уже не по-человечески, а по Богу. Итак, общее духовно невозможно без общего идеального и психофизического, но никакое по-человечески общее – ни идеальное, ни психофизическое – само по себе не ведёт к общему духовному: прервать сновидение может только реальность.

Общее духовное пробивает себе дорогу, уничтожая у меня и моих ближних элементы идеального и психофизического, в том числе совпадающие, и создавая на их месте новые элементы, общие для нас всех. Наша соборность и реализуется через наше приобщение к каждому из них, тождественна этому приобщению. Но уничтожение любого элемента идеального или психофизического более или менее болезненно – соборность совершается через страдание. Она тоже есть очищение огнём и помазание Святым Духом как одно действие, но в отличие от крещения тождественна приобщению вместе с ближними к конкретному идеальному или психофизическому. Крещение не реализуется для меня через что-либо отличное от него – не тождественно ничему иному; как тождественное же – например, смирению вместе с моими ближними, принятию вместе с ними новых условий жизни, преломлению хлеба, – т.е. как реализующееся через иное, оно для меня есть соборность.

Так как соборность – не только очищение огнём, но и помазание Святым Духом, она, как и крещение, не только болезненна, но также благодатна, – благодатное мученичество. Отказ от чего-либо своего по принуждению заменяет его другим своим. К соборности он отношения не имеет. В ней я отказываюсь о своего по любви – к Христу или моему ближнему. Этот отказ и есть очищение, любовь же, тождественная принятию нового вместе с моим ближним, – помазание. Отказ, или очищение, – поднятие из земли, растяжение во времени; оно болезненно. Любовь, или помазание, – прикосновение к Небу, к концу времени; это благодать. Но поднятие из земли есть прикосновение к Небу, а

прикосновение к Небу – поднятие из земли, ведь промежуток от земли до Неба, квант времени, не делится на части.

Приложение

Число измерений другого пространства, которое снится мне в моём грехе и называется в этом сне временем, можно представить себе равным двум или трём. Это ясно из следующего. Во-первых, в другом пространстве могут быть взяты различные процессы отсчёта – как в первом пространстве – различные тела отсчёта. Процесс отсчёта есть некоторый круговой процесс, например, суточный цикл, месячный или годовой. Тела отсчёта движутся одно относительно другого. Это можно сказать и о процессах отсчёта: наивысшее в суточном цикле положение солнца совмещается с последовательными фазами луны, т.е. одна и та же точка суточного цикла – с последовательными точками месячного, что и свидетельствует о движении первого относительно второго; и полнолуние, одна из точек месячного цикла, совмещается сначала с определёнными возрастающими, а затем с определёнными убывающими высотами солнца в его кульминации, т.е. с последовательными точками годового цикла, указывая этим на движение месячного цикла относительно годового.

Во-вторых, я в моём сновидении ни в одном из процессов отсчёта не могу покоиться: в каждом, если прибегнуть к образу из первого пространства, я описываю круг, под которым я понимаю не обязательно окружность, но вообще замкнутую линию. Например, в суточном цикле я возвращаюсь к той же кульминации солнца, в которой я был, в годовом – к тому же весеннему равноденствию и т.д. Очевидно также, что один процесс отсчёта движется по кругу относительно другого, например, месячный цикл – относительно годового, суточный – относительно месячного. Этим другое пространство тоже сходно с первым, где благодаря тяготению тела описывают круги друг относительно друга: Луна относительно Земли, Земля относительно ближайших звёзд, эти звёзды – относительно мест группы галактик.

Сказанное объясняет, каким образом в другом пространстве можно, например, вернуться в прежнюю точку суточного цикла, не возвращаясь в прежнюю точку месячного. Дело в том, что первый движется относительно второго – описывает круг. Я же при этом прохожу один круг относительно месячного цикла и тридцать кругов относительно суточного. Пусть тело, являющееся образом суточного цикла, описывает относительно тела, изображающего месячный цикл, окружность, оставаясь обращённым к её центру одной своей стороной, точка же, изображающая меня, пусть вместе с тем тридцать раз описывает окружность относительно первого тела. Тогда круг, описываемый ею относительно второго тела, уже не является окружностью. Здесь могут быть два существенно различных варианта. Если окружность, которую я описываю относительно суточного цикла, движется относительно месячного цикла в своей плоскости, то моя траектория относительно месячного цикла будет обычной или растянутой эпициклоидой. Если же эта окружность

движется перпендикулярно к своей плоскости, получится винтовая линия с кольцевой осью – нить, навитая на тор в один ряд.

Далее, пусть линия, по которой месячный цикл движется относительно годового, тоже будет окружностью, причём в своём движении он тоже обращён к её центру одной стороной. При совершении им полного оборота суточный цикл проходит свою окружность относительно него двенадцать раз, а я свою относительно суточного цикла – около трёхсот шестидесяти раз. И опять: окружность, по которой суточный цикл движется относительно месячного, может двигаться относительно годового цикла как в своей плоскости, так и перпендикулярно к ней. В первом случае центр моей орбиты в суточном цикле описывает относительно годового цикла растянутую эпициклоиду, которая и является осью моей траектории относительно него: в первом из двух упомянутых выше вариантов – змеящейся с уклонениями в обе стороны от этой оси обычной или растянутой циклоиды, во втором – вьющейся вокруг неё винтовой линии. Если же орбита суточного цикла в месячном движется относительно годового цикла перпендикулярно к своей плоскости, центр моей орбиты в суточном цикле описывает относительно годового винтовую линию с кольцевой осью; эта винтовая линия и есть ось моей траектории в годовом цикле: в первом варианте – обычной или растянутой циклоиды, во втором – винтовой линии. Таким образом, из четырёх вариантов моего движения относительно годового цикла одно является плоским, а три остальные – трёхмерными.

Очевидно, и далее, переходя к процессу отсчёта, относительно которого движется годовой цикл, так же – к следующему процессу отсчёта, ..., я могу представлять себе моё движение двумерным или трёхмерным. Но можно мыслить и непредставимое: что движение каждого из этих процессов отсчёта относительно следующего за ним перпендикулярно и к движению предшествующего ему относительно него самого, и к подобному же движению относительно предшествующего, и так до моего движения относительно суточного цикла. Это значит, что моя орбита в суточном цикле движется относительно месячного перпендикулярно к своей плоскости, орбита суточного цикла в месячном относительно годового – перпендикулярно как к своей плоскости, так и к плоскости моей орбиты в суточном цикле, и т.д. Тогда моё движение относительно суточного цикла будет двумерным – кольцевым, относительно месячного цикла трёхмерным – винтовым с кольцевой осью, относительно годового цикла – четырёхмерным, относительно следующего за ним – пятимерным и т.д.

Отмечу, что всем этим не утверждаются описанные геометрические формы моих движений относительно взятых процессов отсчёта: эти движения совершаются в другом пространстве, где нет никакой геометрии. Я хотел лишь выяснить, сколько у другого пространства должно быть измерений, чтобы мои движения в нём могли быть такими, какими я вижу их в моём греховном сне.